

Ли Жэньсю рассказывал классический эпизод из «Сна в красном тереме» — сцену, где Дай Юй хоронит цветы. Этот мужчина обладал определённым мастерством, его интонации, вздохи и паузы глубоко передавали тревогу и растерянность Дай Юй между жизнью и смертью, любовью и ненавистью. Хотя он читал стихи о погребении цветов низким и насыщенным мужским голосом, это не вызывало диссонанса. Время выступления было ограничено двумя минутами, но он превысил его вдвое, что, впрочем, не стало проблемой. Чувствовалось, что судьи были увлечены его рассказом.

Чжао Юй, видимо, вдохновилась выступлением Ли Жэньсю и тоже решила взять за основу литературное произведение. Для страховки она выбрала стихотворение Ли Бо «Размышления в тихую ночь». Её голос был чистым и мягким, чтение стиха имело особую прелесть, вызывая в слушателях чувство умиротворения. Тан Сю изначально считал, что она выступает хорошо, но когда она дошла до строки «Лунный свет озаряет постель», он невольно вздохнул в душе, чувствуя некоторую досаду.

Чжао Юй уложилась в две минуты, и затем настала очередь Тан Сю. Он рассказывал о Чжан Цзюйчжэне, который ради проведения реформ бросил вызов всему двору, а после успокоения ситуации получил клеймо «жадного до власти и непочтительного». Он не вкладывал в рассказ субъективных эмоций, произношение было точным, и он излагал события объективно, но его серьёзное и величественное выражение лица особенно завораживало.

Когда Тан Сю рассказывал о том, как Чжан Цзюйчжэн жестоко избил чиновников, оставив после себя кровавую грязь, он почувствовал, как дыхание двух артистов рядом с ним на мгновение замерло. А когда он, наконец, произнёс, что Чжан Цзюйчжэн в итоге получил клеймо «жадного до власти и непочтительного», главный экзаменатор вздохнул и сказал:

— Этот человек действительно страдал.

Тан Сю лишь улыбнулся.

— Всего лишь исторический персонаж.

— Ладно, позовите следующую группу, — главный экзаменатор махнул рукой, но, когда Тан Сю уже собирался выходить, окликнул его.

— Ты заметил проблему в том, что сказала Чжао Юй?

Тан Сю не удивился этому вопросу и просто ответил:

— Рассказ был прекрасен, но в этом стихотворении «постель» — это не кровать, а колодец. В тот день Ли Бо вздохнул именно у колодца.

Главный экзаменатор кивнул.

— Выходи.

Ли Цзыпин нервничал, ожидая снаружи.

— Ну как?

— Я не слишком силён в навязывании эмоций. Многие исторические факты сами по себе довольно обыденны. Если это шоу просто хочет поддерживать высокий накал в каждом выпуске, то у меня нет преимуществ, — Тан Сю задумался. — Посмотрим, что решит

экзаменатор. Как получится.

Ли Цзыпин помолчал, потом сказал:

— Завтра измени подпись в Weibo. Твои фанаты недовольны, что «актёр Тан Сю» звучит слишком бездушно.

— На что поменять?

— «Буддийский артист, пусть будет, как будет».

Тан Сю не смог сдержать смеха.

— Ну, ладно.

После съёмок с Цзян Цяо у Тан Сю вдруг появилось множество предложений. Прошло всего три месяца с момента дебюта, и он ещё не успел испытать трудностей маленького артиста, у которого нет ролей, как перед ним уже выросла гора сценариев.

Тан Сю и Ли Цзыпин долго отбирали и в итоге оставили для рассмотрения молодёжный сериал.

В последние два года тема школьной жизни снова стала популярной, и уже несколько неизвестных актёров благодаря этому стали знаменитыми. Ли Цзыпин очень надеялся, что Тан Сю попробует себя в этом жанре. Ведь он уже играл злодеев и трагических героев, и теперь пришло время для сладкого и романтического персонажа, чтобы расширить свой репертуар. Он считал, что его Тан Сю — универсальный талант, который, стоя на сцене, не выставляет себя напоказ, но в любой роли может блистать.

Тан Сю не возражал. Как говорил Ли Цзыпин, буддийский артист, пусть будет, как будет.

Однако Стяг сбора душ в последнее время часто проявлял активность, не слишком сильно, но очень часто. Вспоминая, как тот парень с противоположной двери бегал повсюду, чтобы встретиться с отцом Шэнь Сымо, Тан Сю всё больше убеждался:

Несобранная душа находится на Цзян Цяо, но что именно это за душа, пока неизвестно. Учительская благодарность? Справедливость? Желание помогать? Но всё это он уже собирал, так что это не подходит. Кроме этого, он не видел ничего другого, поэтому пока мог только терпеливо наблюдать.

Тан Сю всё больше убеждался в своём сердце: раз цель определена, то эту душу он заберёт в этой жизни.

С таким пониманием Старый Предок стал спокойнее. Цзян Цяо каждый день нагел, то забирал ключи, то покупал домашние тапочки для пары, и он просто закрывал на это глаза, молча соглашаясь.

На следующий день после обеда Цзян Цяо вовремя отправился на встречу с отцом Шэнь Сымо, назначенную в чайной. Тан Сю рядом с чайной увидел нескольких худощавых мужчин в обычных футболках и брюках, которые явно были сотрудниками охраны в штатском. К счастью, Шэнь Лиго, хотя и был важной фигурой, не выставлял себя напоказ и прибыл без лишнего шума.

Тан Сю спокойно сидел в соседнем кабинете, телефон Цзян Цяо был включён на громкую связь, и он мог слышать, о чём говорили рядом.

Когда он вошёл, Цзян Цяо и Шэнь Лиго уже обменялись несколькими фразами. Тан Сю только сел, как услышал слова Шэнь Лиго:

— Пять лет назад мы несколько раз ужинали вместе, и тогда я не считал тебя человеком, который лезет в чужие дела.

Голос этого мужчины был низким и глубоким, как и положено генералу республики, его аура была мощной, и он излучал авторитет без необходимости повышать голос. Но Цзян Цяо не робел и отвечал с лёгкостью:

— Пять лет назад Сымо только учился на втором курсе, он был скромным и сдержанным, никто не знал о его происхождении, и я считал его просто своим лучшим учеником. Только когда он сказал, что его семья хочет пригласить меня на ужин, я узнал, что у него такой выдающийся отец...

Цзян Цяо сделал паузу.

— То, что генерал тогда сам предложил встретиться со мной, профессором, такое поведение обычного отца... наверное, вы действительно очень любите своего сына.

Шэнь Лиго многозначительно посмотрел на него.

— Твои намерения слишком очевидны. Он послал тебя как посредника?

Цзян Цяо ответил без тени волнения:

— Разве вы сами не знаете моих намерений? Раз вы согласились встретиться со мной, зачем говорить такие жёсткие слова? Я знаю, какой он ребёнок, я учил его четыре года, а вы растили его с самого детства.

Шэнь Лиго молчал некоторое время, не отвечая, и Цзян Цяо снова спросил:

— Я пригласил вас сюда, чтобы спросить: раз уж вы изначально не стремились к тому, чтобы у вас было много детей и разветвлённая семья, так ли важна кровь? Действительно ли совпадение генетической последовательности важнее, чем сын, которого вы вырастили с младенчества?

Цзян Цяо, видя, что Шэнь Лиго не отвечает, вздохнул и сказал:

— Если вам действительно так важна кровь, вы можете завести ещё одного ребёнка. Все, чего хочет Сымо, это просто отец, он даже не протянет руку к семейному имуществу и ресурсам. Как его учитель, я могу гарантировать это.

Прошло много времени, прежде чем Шэнь Лиго ответил:

— Уже прошло десять минут, у тебя осталось половина времени. Если ты действительно хочешь ему добра, лучше не вмешивайся в мои дела. Я не его отец, и он не мой сын. Если он продолжит меня беспокоить, я не могу гарантировать, что не начну его подавлять.

Голос Шэнь Лиго стал ещё ниже.

— Тех, кто сейчас на пике славы в вашем кругу, мне легко поставить на место. Даже тебя, режиссёр Цзян, это может затронуть. Советую тебе не лезть в чужие дела.

Тан Сю, слушая в наушниках, не мог сдержать улыбки. Этот генерал был довольно забавным, он явно смягчился, но всё ещё держался.

Цзян Цяо достал из кармана другой телефон и сразу же набрал номер Шэнь Сымо, включив громкую связь и положив аппарат на стол.

Шэнь Сымо ответил быстро.

— Учитель, вы звонили?

Цзян Цяо кивнул.

— Что там за шум, ты на улице?

— Да, я по делам, — ответил Шэнь Сымо, и в трубке раздался звук системы вызова номеров.

Цзян Цяо удивлённо спросил:

— Ты меняешь фамилию?

— Откуда вы знаете? — голос Шэнь Сымо был полон удивления, а затем стал грустным. — Значит, вы всё знаете.

Цзян Цяо не стал углубляться в эту тему и просто кратко сказал:

— Меняй. Хочешь какую-то конкретную фамилию? Если ничего не подходит, можешь взять мою, я тебя приму.

Тан Сю в соседнем кабинете с трудом сдерживал смех. Цзян Цяо поднял глаза и увидел, что лицо Шэнь Лиго стало чёрным, но тот, конечно, не мог дать понять Шэнь Сымо, что тоже слушает разговор, и только пристально смотрел на Цзян Цяо с гневом в глазах.

— Учитель, что вы говорите... — Шэнь Сымо, казалось, собирался засмеяться, но не успел закончить фразу, как его голос прервался.

Прошло много времени, прежде чем он кивнул и тихо сказал:

— Я не хочу менять фамилию, но отец настаивает... ладно, пусть будет так. Я буду просто Сымо, без фамилии, это не важно.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16171/1450034>